

Научная статья

УДК 340.12

doi: 10.17223/1998863X/86/4

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕАЛЬНОСТИ ПРАВА ЛОРЕНЦА КЭЛЕРА

Виталий Васильевич Оглезнев¹, Виктор Геннадьевич Бондарев²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия, ogleznev82@mail.ru

² Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия, vicbondarev@mail.ru

Аннотация. Исследуются философско-методологические и концептуальные основания оригинальной философско-правовой теории Лоренца Кэлера. Показано, чем развиваемый им подход отличается от классических версий онтологического правового идеализма, какими свойствами обладают постулируемые им онтологически идеальные сущности и каким образом измерить идеальность права. Отдельно приведены некоторые критические замечания к теории онтологической идеальности права.

Ключевые слова: онтология права, метафизика права, идеальные сущности, эмпирические факты, нормы права

Благодарности: я благодарен профессору Кэлеру за ценные замечания и комментарии, которые позволили прояснить отдельные положения его теории.

Для цитирования: Оглезнев В.В., Бондарев В.Г. Философские основания теории онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 37–49. doi: 10.17223/1998863X/86/4

Original article

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF LORENZ KÄHLER'S THEORY OF THE ONTOLOGICAL IDEALITY OF LAW

Vitaly V. Ogleznev¹, Victor G. Bondarev²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation, ogleznev82@mail.ru

² North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation, vicbondarev@mail.ru

Abstract. This article investigates the philosophical foundations of Lorenz Kähler's theory of the ontological ideality of law. The central focus lies on Kähler's attempt to conceptualize legal norms as a distinct type of entity – immaterial yet ontologically stable. In contrast to classical forms of legal idealism, which rely on moral justification or transcendental sources of justice, Kähler proposes a minimalist and analytically precise model that treats legal norms as ontologically ideal objects. These entities do not belong to the physical or psychological realm but retain their identity regardless of moral validity, institutional enforcement, or social effectiveness. Kähler introduces a tripartite structure of legal ideality – moral, legal, and ontological – and insists on the logical irreducibility of these dimensions to

one another. Ontological ideality refers to a non-material mode of being, comparable to the existence of numbers, algorithms, or linguistic structures. This perspective offers a novel way of accounting for the persistence and coherence of legal meaning even in cases where a norm is no longer valid, has been forgotten, or has never been enacted. The article outlines the strengths of this approach: its capacity to separate the question of legal being from that of moral value; its independence from both legal positivism and transcendental moralism; and its potential for enriching the metatheoretical reflection on law. At the same time, the article addresses several philosophical tensions. These include the lack of a clearly articulated methodological basis for distinguishing the forms of ideality, the risk of reifying norms – i.e., treating interpretative structures as if they were independent ontological entities – and the potential relativization of normative critique, once legal and moral ideality are treated as autonomous and mutually independent. Kähler's theory is presented as an original and thought-provoking contribution to the ontology of law, one that avoids dogmatic metaphysics while raising productive challenges for contemporary legal philosophy. However, it also requires further clarification of its conceptual foundations to fulfill its philosophical promise.

Keywords: ontology of law, metaphysics of law, ideal entities, empirical facts, legal norms

Acknowledgments: The authors are grateful to Professor Kahler for his valuable comments and remarks, which helped to clarify certain aspects of his theory.

For citation: Ogлезnev, V.V. & Bondarev, V.G. (2025) Philosophical foundations of Lorenz Kähler's theory of the ontological ideality of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 37–49. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/4

Введение

Впервые с идеей об онтологической идеальности права современный немецкий философ права Лоренц Кэлер (Lorenz Kähler) познакомил российскую философскую среду в сентябре 2017 г., выступая с докладом о праве как неидеальном умозрительном порядке на VI Сибирском философском семинаре в Томске. И нужно признать, что как тогда, так и сейчас развиваемая им философская позиция была и остается весьма оригинальной и совершенно непохожей ни на что в современной юридической литературе. С тех пор можно было наблюдать, как отдельные, на первый взгляд, разрозненные теоретические аргументы Кэлера постепенно складываются в целостную философскую конструкцию – набор обоснованных онтологических и семантических утверждений. Пусть эта конструкция еще не до конца оформлена, но она уже обладает внутренней логикой и методологической согласованностью. Сегодня уже достаточно ясно просматриваются ее основные концептуальные положения, способствующие не только различению права как эмпирической практики, права как онтологически идеальной сущности и права как валидного нормативного элемента позитивного порядка, но и утверждению, что мы являемся свидетелями появления нетривиальной философско-правовой концепции. Более того, она предлагает инструменты для более глубокого анализа права, не ограниченного рамками привычных дихотомий вроде «естественное-позитивное» или «фактическое-нормативное», и позволяет по-новому взглянуть на природу правовой нормы, включая вопросы ее существования, юридической действительности и эффективности¹.

¹ Здесь следует особо подчеркнуть, что Кэлер в своей теории не различает реальность и существование права. Для него если нечто реально, то оно существует, и наоборот, если нечто существует, то оно реально [1. С. 9]. Насколько такая позиция оправдана – решать читателю.

Однако интерес к анализу аргументов Кэлера обусловлен не столько оригинальностью его выводов, сколько тем, как он их формулирует. В основании его теории, которая, по существу, является метафизической позицией, лежат утверждения, имеющие аналитическую структуру. Примечательно, что здесь речь не идет о противопоставлении метафизики и анализа, напротив, автор стремится встроить онтологические интуиции в логически выверенный философский дискурс, избегая как догматического идеализма, так и натуралистического редукционизма. Благодаря этому его теория может рассматриваться как связующее звено между двумя часто несовместимыми (и часто разводимыми) позициями в философии права – онтологическим обоснованием нормативного порядка и аналитическим исследованием правовых понятий.

Что такое онтологический правовой идеализм?

Однако, прежде чем перейти к анализу аргументов Кэлера, необходимо прояснить, что представляет собой онтологический правовой идеализм и почему именно на нем основан его подход. Хотя между классическими версиями онтологического правового идеализма и концепцией онтологической идеальности права Кэлера действительно прослеживаются некоторые параллели (прежде всего в признании внеэмпирического и нематериального характера правовых норм), между ними все же есть важные различия, которые следует учитывать.

Онтологический правовой идеализм – это философская позиция, согласно которой право представляет собой особую, нематериальную и независимую от эмпирических фактов сущность, являющуюся частью умопостижаемого мира. Согласно этой точке зрения, право не может быть полностью сведено к эмпирическим фактам, например, к решениям судов, нормативным актам или действиям законодателя, хотя бы потому, что такое сведение потребовало бы установления того, какие факты являются нормативными и почему. Право имеет собственное идеальное бытие и поддается рациональному восприятию, а не эмпирическому наблюдению. Оно не просто оформляется и функционирует в рамках позитивной системы, но само существует как система смыслов и норм, которые могут быть открыты разумом и применены независимо от конкретного исторического контекста. Хотя для создания определенных норм учет контекста, безусловно, потребуется, поскольку только в рамках него они приобретают свой смысл.

В основании онтологического правового идеализма лежат, по меньшей мере, три метафизические концепции. Прежде всего, это платоновская онтология, согласно которой идеи первичны, вечны и реальны, а справедливость существует как трансцендентная форма, не зависящая от времени, культуры или человеческой воли. Далее это онтологический теологический реализм Фомы Аквинского, в рамках которого все формы права (вечное, естественное, человеческое) выводятся из *lex aeterna* – рационального замысла Бога. И, наконец, неокантианская философская традиция, трактующая право как часть смыслового порядка, встроенного в человеческую реальность, где норма – это не только предписание, но и носитель смысла, который существует независимо от акта ее выражения или применения (Ласк, Штаммлер, Радбрух, «ранний» Кельзен).

Принимая во внимание эти концепции, можно сказать, что нормы права обладают особым статусом: они не являются ни физическими, ни психическими явлениями, но выступают для права его идеальным, нематериальным и пропозиционально организованным содержанием. Такое право может быть морально справедливым или несправедливым, признанным или забытым, действующим или отмененным, но его существование от этого никак не зависит. Оно продолжается в логическом и онтологическом пространстве, доступном для рационального постижения. Важно, что эта позиция позволяет отличить позитивное право как несовершенное воплощение от идеального права, которое служит ориентиром для правотворчества и правоприменения. Классический правовой идеализм исходит, как правило, из существования трансцендентного правового порядка, тесно связанного с моральной или божественной истиной, – будь то в форме естественного права, вечного закона или абсолютной справедливости, где право мыслится как нормативный идеал, к которому позитивное законодательство должно стремиться и с которым оно может соотноситься как с критерием легитимности.

Онтологический правовой идеализм при таком понимании противопоставляется как юридическому позитивизму, так и правовому реализму и юридическому натурализму [2. Р. 2615]. В отличие от юридического позитивизма, который рассматривает нормы как результат социальных актов, или правового реализма, трактующего право как результат деятельности судей, или юридического натурализма, стремящегося редуцировать право к биологическим или когнитивным фактам, онтологический идеализм утверждает, что нормы обладают бытием в сфере идеального, т.е. в пространстве умопостигаемых сущностей. Эти сущности не зависят от времени, воли законодателя или практик правоприменения: они существуют до и вне конкретных актов позитивного установления. Ключевым достоинством онтологического правового идеализма, таким образом, становится его способность обеспечивать нормативное основание для критики несправедливого позитивного права. А поскольку идеальные нормы существуют вне их институционального признания, появляется возможность говорить о юридической несправедливости не как о моральном осуждении, а как об онтологическом несоответствии. Кроме того, данная позиция позволяет четко развести «существование» и «реализацию» правовых норм: норма может быть действительной в идеальном смысле, даже если она еще не воплощена в жизнь. Идеализм также постулирует тесную связь права и морали, утверждая, что нормы права укоренены в разуме и могут быть рационально обоснованы.

Однако у онтологического правового идеализма есть и уязвимые стороны. Пожалуй, самым слабым местом является его метафизическая составляющая. Предположение о существовании мира идей, где «обитают» правовые нормы, трудно эмпирически подтвердить или логически обосновать. В связи с этим возникает эпистемологическая проблема: если нормы идеальны и нематериальны, то каким образом человек получает к ним доступ? Кто и на каком основании может утверждать, что знает, каково «идеальное право»? Эта проблема может, кстати, породить особый моральный догматизм, когда юридические аргументы подменяются априорными, неverified суждениями. Такой идеализм также с трудом справляется (если вообще справляется) с проблемой правового плюрализма: если существует один идеальный

правовой порядок, как объяснить многообразие правовых традиций, норм и систем? Тем не менее эта философская концепция остается самой сильной метафизической моделью права. Она утверждает, что нормы не создаются, а открываются, что право – это не просто инструмент регулирования, а выражение рационального порядка, существующего независимо от нашей воли.

Теория онтологической идеальности права Кэлера стремится преодолеть указанные ограничения: она сосредоточена не на должном, а на способе бытия правовых норм. В этом смысле она противостоит различным версиям онтологического правового идеализма, прежде всего, в том, что в ней не отрицается существование материального мира и сознание не делается источником реальности [3. Р. 415]. Кэлер утверждает, что право есть онтологически идеальное образование не потому, что оно должно быть совершенным, а потому, что оно обладает особой формой нематериального существования. И здесь мы подходим к ключевому моменту развиваемой им теории – в чем именно заключается идеальность права, и как ее установить или измерить.

Три измерения идеальности права

В философии права часто предполагалось, что право характеризуется лишь одним «идеальным» измерением – тем, который связан с такими идеальными сущностями, как мораль, справедливость, человеческое достоинство. Роберт Алекси, в частности, полагал, что право, будучи воплощением справедливости, имеет «идеальное» измерение в силу своей претензии на моральную правильность (*claim to moral correctness*) [4. Р. 174]. Однако Кэлер выступает резко против такой редукционистской позиции, поскольку считает, что, во-первых, моральная правильность не является необходимым условием юридической действительности (ведь нормы могут быть аморальными, но оставаться при этом правовыми), и во-вторых, даже если право и претендует на моральную правильность, это еще не делает его идеальным (ведь претензии могут быть ложными). Взамен он предлагает рассматривать идеальность права в трех измерениях: моральное, юридическое и онтологическое. Каждое из них обладает собственной логикой и содержанием, и только в совокупности они позволяют адекватно понять, в каком смысле можно говорить об «идеальности права».

Моральная идеальность

Моральная идеальность, по Кэлеру, означает соответствие правовых норм этическим стандартам – будь то в форме позитивной (фактической) морали или в форме критически обоснованной морали [5. Р. 212]. В этом измерении норма считается морально идеальной, если она представляет собой наилучший с моральной точки зрения ответ на практическую ситуацию. Однако право, как показывает немецкий правовед, по своей природе редко бывает морально идеальным, поскольку оно вынуждено оперировать общими и абстрактными нормами, которые не в состоянии учесть все морально релевантные обстоятельства. Кроме того, право часто формируется в рамках демократических процедур, подразумевающих компромиссы и ограниченность рациональности, что также снижает вероятность достижения морального идеала.

Таким образом, моральная идеальность – это контингентное, вариативное свойство права. Она не встраивается в право автоматически, а должна

быть предметом отдельной оценки. Право вполне может быть несправедливым, но тем не менее юридически действительным. Это позволяет признавать правом даже морально дефективные нормы, что ставит под сомнение тезис о его претензии на моральную правильность (Р. Алекси).

Юридическая идеальность

Второе измерение связано с внутренними стандартами самого права. Эти стандарты могут пересекаться с моральными, хотя это и не обязательно. Кэлер подчеркивает, что у права могут быть собственные идеалы, такие как формальная справедливость, верховенство права или правовая определенность. В некоторых случаях эти идеалы могут даже вступать в противоречие с моральными, как, например, в правовых системах, где формальная справедливость допускает расовую сегрегацию или дискриминацию, и поэтому у нас «нет оснований отрицать то, что аморальные принципы могут выступать идеалами, предписываемыми также, к какому положению дел общество должно стремиться» [5. Р. 213]. И хотя такие идеалы, как, например, равенство, предписываемое правовыми нормами, могут не соответствовать фактическому положению дел в обществе, они могут быть предметом оценки без необходимости апелляции к морали. Так, можно дать оценку (и даже критическую) тому, насколько эффективно эти идеалы используются в вопросах регулирования общественных отношений, а не с точки зрения их морального содержания.

Важность этого измерения, таким образом, обусловлена тем, что позволяет анализировать право как бы изнутри, т.е. через соответствие его внутренних целей неким фундаментальным принципам. Оно позволяет объяснить, как возможно существование идеалов, не обладающих моральной ценностью, но тем не менее присутствующих в праве, нормы которого будут сохранять свою нормативную силу даже в случае их моральной сомнительности.

Онтологическая идеальность

Третье и наиболее оригинальное измерение права – онтологическая идеальность. Здесь Кэлер обращается к вопросу: каково вообще бытие правовых норм? Он в духе традиции онтологического правового идеализма утверждает, что нормы не являются ни физическими, ни психическими объектами, а представляют собой онтологически идеальные сущности, сравнимые с числами, логическими структурами или математическими функциями [5. Р. 214]. Их бытие нематериально, внепространственно и вневременно; они обладают пропозициональной структурой, могут быть переведены на другие языки, сохраняются независимо от конкретных физических реализаций (в виде книг, указов, речей) и могут продолжать существование даже после того, как перестают применяться или забываются. Это означает, что право существует в особом «идеальном онтологическом пространстве» не как моральный идеал (как утверждает онтологический правовой идеализм), а как нематериальная и квазиперманентная смысловая структура¹.

¹ Кэлер не отрицает, что право существует, но утверждает, что его «реальность» – это неустойчивая и размытая категория. Поэтому апелляция к ней в юридическом дискурсе требует осторожности и уточнения. Право не становится «нереальным», но и не может быть «реальным» в смысле, применимом к физическим объектам [6. С. 57].

Онтологическая идеальность, таким образом, по Кэлеру, не зависит от морального содержания нормы: она присутствует и в нормах, защищающих права человека, и в нормах, нарушающих их [5. Р. 215]. Вместо противопоставления нормативного идеала и фактической действительности Кэлер предлагает рассматривать право как особую форму бытия – нематериальное, но объективно существующее смысловое образование, которое не тождественно ни моральным ценностям, ни эмпирическим фактам. Это позволяет философски обосновать существование правовых норм, не прибегая ни к трансцендентным основаниям, ни к редукции права до социального поведения – и тем самым по-новому осмыслить правовую реальность как таковую.

Здесь важно отметить, что трехмерная модель идеальности права Кэлера выступает не только оригинальным способом рассуждения о праве, не ограниченным традиционными схемами, опирающимися на бинарные противопоставления («норма–факт», «действующее–недействующее», «справедливое–несправедливое»), но основанием для анализа выделяемых им признаков онтологически идеальной сущности.

Признаки онтологически идеальной сущности

Как видим, Кэлер полагает, что существование нормы имеет вневременный характер, т.е. оно не может быть адекватно описано в темпоральных терминах: после того как норма была создана, она сохраняет свое бытие, даже если она отменена, утратила юридическую силу или более не применяется [6. С. 45, 56]. Эта устойчивость объясняется ее онтологически идеальной природой. Из этого, по мнению немецкого правоведа, следует, что правовая реальность не поддается редуцирующему описанию в эмпирических терминах. Оспаривая представление о праве как эмпирической сущности, но не отрицая при этом необходимости определенных эмпирических условий его валидности, Кэлер приходит к выводу, что право характеризуется особым, идеальным бытием. Но как распознать онтологически идеальную сущность? Ответ Кэлера основан на допущении наличия у таких сущностей двух ключевых характеристик: во-первых, идеальный объект должен обладать пропозициональным содержанием, а во-вторых – быть нематериальным [6. С. 54–55].

Рассмотрим первую характеристику. Пропозициональное содержание – это то, что делает идеальные объекты доступными для понимания и позволяет их передавать независимо от их физического носителя. Им обладают такие сущности, как числа, цвета, тексты, рассказы. В духе Платона Кэлер называет их «идеями»¹. К их числу, по его мнению, следует отнести и нормы права [6. С. 54]. Как и математические формулы или логические структуры, правовые нормы обладают пропозициональным содержанием, выраженным через текст нормотворческого акта или иные языковые средства. Однако, будучи однажды сформулированной, правовая норма продолжает существовать независимо от ее произнесения, прочтения или применения. Подобно числу π

¹ Примечательно, что, например, Бентам в рамках своей теории фикционализма рассматривал идеи как перцептивные сущности, наделяя их эмпирическим статусом. Они, наряду с инфермальными сущностями, относятся к классу реальных сущностей, которые противопоставляются вымышленным (фиктивным) [8]. По его мнению, идеи возникают благодаря таким ментальным способностям, как память и воображение, главная задача которых осуществлять обработку чувственных данных. Именно поэтому идеи сохраняют связь с опытом и могут рассматриваться как опосредованные формы восприятия [9. Р. 26].

или теореме Пифагора, она существует вне конкретных актов сознания. Тем самым она обретает статус онтологически идеального объекта. «Идеальность права, – пишет Кэлер, – заключается в том, что, в отличие от материальных объектов, право не имеет пространственно-временных характеристик и не подвержено физической причинности» [3. Р. 395]. В этом он следует, прежде всего, логико-семантической традиции, восходящей к Г. Фреге. Последний описывал «мысли» как особые сущности, не сводимые ни к вещам внешнего мира, ни к психическим представлениям: «Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не требует носителя. Она не стала истинной только после того, как была открыта... Формулируя и обдумывая мысль, мы ее не создаем, а вступаем с ней, существовавшей уже до этого, в некое отношение, которое отлично от отношения зрительного восприятия и от отношения обладания представлением» [7. С. 335]. Именно в этом ключе Кэлер трактует правовые нормы как идеальные мысли, существующие независимо от индивидуального сознания. По аналогии с фрегеанскими «мыслями», правовая норма существует независимо от того, применяется ли она, признается ли справедливой или даже осознается ли кем-либо в данный момент. Она остается доступной для интерпретации, обсуждения и оценки именно потому, что обладает онтологическим статусом идеального объекта.

Идея пропозиционального содержания как критерий онтологической идеальности представляет собой, пожалуй, одну из наиболее интересных философских частей концепции Кэлера. Именно обладание пропозициональным содержанием, по его мнению, делает объект онтологически идеальным. Это не внешне навязанное свойство, а его внутренняя, имманентная характеристика – нечто такое, что принадлежит объекту априорно. Априорность, как объясняет Кэлер, означает независимость пропозиционального содержания от конкретного языка, в котором оно выражается. Хотя содержание нормы может быть артикулировано средствами разных естественных языков (русского, немецкого, английского), его логико-семантическая структура остается неизменной. То, что выражается как нормативное предписание, сохраняет идентичное пропозициональное ядро вне зависимости от того, на каком языке оно сформулировано и в какой правовой системе оно закреплено. Кэлер пишет: «Нормы могут быть сформулированы без потери смысла в разных местах, в разное время и разными способами, не изменяя при этом своего содержания. Хотя их воплощение отличается хотя бы потому, что каждая из них имеет свое местоположение, это не относится к выраженному в них смыслу. При правильной формулировке их содержание будет идентичным независимо от их индивидуального происхождения» [3. Р. 398]. К примеру, высказывание «Все обязаны платить налоги» будет сохранять свое пропозициональное содержание независимо от языка, в котором оно выражено. Какими бы средствами (лингвистическими или юридическими) ни выражалась правовая норма, ее смысловое ядро не принадлежит к эмпирическому порядку.

Здесь позицию Кэлера следует уточнить. Несмотря на то что онтологически идеальные объекты, как он подчеркивает, являются внепространственными и вневременными, представляется, они все же нуждаются в субъекте

мышления. И хотя они не зависят от конкретного акта восприятия, они становятся доступными лишь в том случае, если кто-либо способен их постигнуть. Это означает, что идеальное содержание нуждается в мыслящем существе, которое может вступить с ним в отношение понимания, не как с объектом эмпирического опыта, а как с логически определенным смыслом. Разве можно говорить об идеальном объекте вне его потенциальной постижимости? А разве материальные объекты не обладают пропозициональным содержанием? Если да, то возникает другая проблема: если идеальные, как и материальные, объекты могут обладать пропозициональным содержанием, то каким образом провести между ними границу? Кэлер решает эту проблему, подчеркивая, что онтологически идеальные объекты отличаются, во-первых, нематериальностью, а во-вторых, возможностью быть как абстрактными, так и конкретными, что приближает его к позициям умеренного (имманентного) реализма и отличает от платонизма в строгом смысле.

Второй необходимый признак онтологической идеальности, таким образом, – это нематериальный характер объекта. Хотя языковая форма нормы – будь то текст закона, судебное решение или устное высказывание – несомненно, материальна, само нормативное содержание, выражающее предписание или обязанность, нематериально. Здесь важно не то, как выражено это содержание, а что именно выражено, т.е. значение слов, зафиксированное посредством материального носителя. Это значение локализуется не в форме, а в пропозициональной структуре, которая и определяет онтологический статус правовых конструкций.

С этой точки зрения такие явления, как права и обязанности, можно с полным основанием рассматривать как онтологически идеальные [11. Р. 10]. Их существование аналогично существованию идей: они не сводятся к своим эмпирическим проявлениям, не тождественны конкретным нормам, законам или правовым институтам. Их онтологическая идеальность не связана с содержательной справедливостью, легитимностью или валидностью. Ведь даже аморальные, фиктивные или давно забытые нормы, считает Кэлер, продолжают существовать как идеальные объекты, поскольку обладают теми же формальными характеристиками: нематериальностью и пропозициональной структурой. Следовательно, понятия «право», «обязанность», «разрешение» и т.п. представляют собой онтологически идеальные сущности, существование и интерпретируемость которых возможны независимо от их применения, оценки или санкционирования.

¹ Метафизическая позиция Кэлера в вопросе о существовании абстрактных объектов, таких как нормы права, во многом сближается с тем, что в современной философии называют имманентным или умеренным реализмом, несмотря на то что он отрицает схожесть постулируемых им онтологически идеальных сущностей с абстрактными объектами [11. Р. 11]. Это направление представляет собой одну из форм платонизма, разделяющую его главный тезис о том, что абстрактные сущности действительно существуют и не зависят от человеческого мышления или восприятия. Однако в отличие от классического платонизма, который помещает эти сущности в особую трансцендентную сферу (вне мира физического и вне опыта), имманентный реализм утверждает, что абстрактные объекты существуют внутри физического мира, будучи «вплетенными» в реальные вещи или практики. С этой точки зрения нормы права существуют не где-то «вовне» или «до» мира, а в самой структуре реальности, как смысловые формы, обнаруживаемые в правовой практике, языке и мышлении, но не сводимые к ним. Именно в этом философском контексте можно понимать кэлеровское утверждение о том, что правовые нормы – это онтологически идеальные, но в то же время не трансцендентные объекты [10].

Некоторые критические замечания

Однако столь амбициозный философский проект не свободен от возможной критики. Кэлер использует слово «идеальный» в трех несводимых друг к другу смыслах: нормативно-моральном, институционально-нормативном и онтологическом. Это кажется плодотворным разграничением, но проблема заключается в том, что в объем общего понятия «идеальность» включаются три различающихся по модальности и функциям понятия. Ведь, как известно, основанием деления должен быть признак, при изменении которого образуются видовые понятия, входящие в объем делимого (родового) понятия. Причем у всех видов должен сохраняться один и тот же признак, лежащий в основании деления, но с различными модификациями и специфическим проявлением. У Кэлера же моральная идеальность – это нормативная (оценочная) соотносительность с определенными моральными стандартами (справедливость, равенство), юридическая идеальность – это соответствие внутренним требованиям правовой системы (эффективность, валидность), а онтологическая идеальность – это нематериальный статус правовых норм как абстрактных объектов. Таким образом, в каждом случае понятие «идеальность» меняет не просто модус, но появляется новое основание деления и даже новый видообразующий признак: в одном случае это оценочность, в другом – системная нормативность, в третьем – нематериальность. Эти признаки не являются градациями одного и того же признака (основания деления), а представляют собой разные категории: аксиологическую, функционально-институциональную и онтологическую соответственно. В результате понятие «идеальность» становится семантически неопределенным, так как в каждом случае оно означает разные вещи. Следовательно, они не могут быть видами одного рода.

Если Кэлер хочет сохранить это многоуровневое понимание «идеальности», ему следует либо уточнить, что речь идет о разных аспектах одного и того же признака (например, идеальность как нормативность), либо отказаться от деления по видоизменению признака и говорить о разных модусах измерения права, не пытаясь объединить их под единую категорию «идеальности».

Далее Кэлер отстаивает идею, что право как система норм существует в онтологически идеальном измерении, подобно числам, логическим формулам или литературным текстам, т.е. не в физическом мире и не в психике субъекта. Норма права, по его мнению, не может быть описана в темпоральных терминах в контексте эмпирической реальности, но тем не менее она обладает значением, предписывает определенное поведение и может быть понята, сохраняя идентичность через множество проявлений (текст, память). Но проблема в том, что значение нормы существует только в определенной языковой, социальной и правоприменительной среде. Норма, в этом смысле, неотделима от условий ее понимания, интерпретации и применения. Попытка вычленив норму как чистую сущность отрывает ее от практики и языка, т.е. делает ее онтологическим фантомом. Ведь норма не предшествует своему проявлению в институциональном контексте, она сама является социальной интерпретативной конструкцией. Она не существует как нечто само по себе, аналогично числу π или теореме Пифагора, напротив, ее существование зависит от речевого и институционального воплощения.

Стремясь преодолеть редукционистские трактовки права как чисто социального или психологического явления, Кэлер рискует впасть в противополо-

ложную крайность – приписывать правовым нормам онтологический статус самостоятельных, нематериальных сущностей. Здесь он фактически реифицирует те интерпретативные и институциональные практики, которые лишь порождают и поддерживают смысл нормы, но не существуют независимо от нее. Это придает нормам ложную видимость объективного и устойчивого бытия, тогда как они являются продуктом социального действия и лингвистической конвенции. Их «нематериальность» может быть объяснена без введения отдельного «онтологического измерения» (например, тем, что нормы существуют как устойчивые правила поведения, признанные и воспроизводимые в рамках конкретной практики; они нематериальны, потому что выражены в языке, поддерживаются действиями и ожиданиями, зависят от intersубъективного признания, а не от физического субстрата).

Кэлер подчеркивает, что предлагаемые им три вида идеальности несводимы друг к другу. Особенно это важно для различения моральной и юридической идеальности, которые описываются им как автономные формы нормативности. Право, по Кэлеру, может иметь собственные внутренние идеалы (например, формальную согласованность, эффективность), даже если они не соответствуют моральным требованиям. На первый взгляд, это выглядит как разумный плюрализм. Но при внимательном рассмотрении обнаруживается риск релятивизации нормативной оценки самого права. Суть проблемы имеет двойкий характер. Во-первых, если допустить, как это делает Кэлер, что право и мораль – это полностью автономные системы оценки, то утрачивается критерий, по которому можно сказать, что определенный закон несправедлив как закон. В этом случае мы не сможем назвать правовую систему репрессивной... расистской или аморальной на правовом основании, потому что она вполне может быть «идеальной» по собственным юридическим стандартам. Это позволяет легитимировать любые нормы, при условии, что они согласуются с внутренними целями права (например, «идеалами» сегрегации). Во-вторых, если любая правовая система имеет свою «юридическую идеальность», то даже нацистское или апартеидное законодательство может рассматриваться как «внутренне идеальное». Критика такого законодательства утрачивает силу универсального нормативного возражения, потому что ее критерии оказываются внешними по отношению к самой системе. В результате критика становится лишь моральной возможностью, а не юридической необходимостью.

Кроме того, ничто не мешает привести и совершенно банальные возражения, которые пусть и не подрывают строгость отдельных выводов, но ставят под сомнение устойчивость всей концептуальной конструкции и требуют реакции. Во-первых, это то, что теория Кэлера может показаться практически неприменимой ввиду ее избыточной абстрактности. Непонятно, каким образом категория онтологической идеальности влияет на повседневную юридическую практику: как с ее помощью можно интерпретировать законы, обосновывать судебные решения или формулировать юридические определения? Без ясной связи между онтологией и гносеологией (или методологией) концепция рискует остаться самодостаточной философской схемой, оторванной от реальности. Во-вторых, это проблема познания идеального: если правовые нормы существуют как онтологически идеальные объекты, то каким образом человек получает к ним доступ? Через язык? Интуицию? Интерпретацию?

Без прояснения этих вопросов теория оказывается уязвимой перед традиционными антиметафизическими возражениями: например, как мы можем знать, что то, о чем мы говорим, действительно существует?

Заключение

Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера не была бы интересной для исследования и перспективной для анализа, если бы не провоцировала столько вопросов и не вызывала бы указанных сомнений. Оригинальность подхода немецкого правоведа, как представляется, заключается именно в смещении акцента – от нормативной идеальности к онтологической. Онтологическая идеальность, в его понимании, не делает право морально обязательным или справедливым, но объясняет, как норма может существовать и оставаться доступной для осмысления даже тогда, когда она утрачивает юридическую силу, забыта или никогда не была реализована. Это переносит вопрос о реальности права из сферы социологии и морали в область метафизики, но метафизики минималистской, рационально артикулированной и свободной от постулатов о трансцендентном источнике права. И именно поэтому для понимания философского замысла Кэлера столь важно ясно различать его позицию и классические версии правового идеализма.

Развиваемый им подход позволяет рассматривать норму права как элемент особого нематериального (умопостигаемого) порядка, сопоставимого с логическими, математическими и семиотическими структурами. Такая перспектива открывает новые возможности для анализа устойчивости нормативных смыслов, а также для переосмысления связи между действием, интерпретацией и нормой. Таким образом, теория онтологической относительности не только предлагает оригинальное возможное решение классической проблемы «бытия» права, но и встраивает категорию нормы права в более широкий философский контекст, где различие между действительным, должным и мыслимым не сводится к привычным дихотомиям между фактом и ценностью, правовым и моральным, наличным и утрачиваемым.

Список источников

1. Оглезнев В.В. В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // Право и государство. 2023. № 1 (98). С. 6–15.
2. Roversi C. Ontology of Law // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / eds. M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht : Springer, 2018. P. 2612–2619. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6730-0_59-1
3. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107, № 3. P. 392–416.
4. Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. 2010. Vol. 23, № 2. P. 167–182.
5. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? // Ratio Juris. 2024. Vol. 37, № 3. P. 210–229.
6. Кэлер Л. Ослабленная реальность права // Право и государство. 2023. № 1 (98). С. 40–59.
7. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Логика и логическая семантика / под ред. З.А. Кузичевой. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.
8. Оглезнев В.В. Бентам об определении вымышленных сущностей и категориях Аристотеля // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, № 1. С. 339–348.
9. Tarantino P. Philosophy, Obligation and the Law: Bentham's Ontology of Normativity. London ; New York : Routledge, 2018.
10. Balaguer M. Platonism in Metaphysics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E.N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/> (accessed: 23.05.2025).

11. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham : Springer, 2024. P. 7–26.

References

1. Ogleznev, V.V. (2023) V kakom smysle pravo real'no? Teoriya ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorentsa Kelera [In What Sense Is Law Real? Lorenz Kähler's Theory of the Ontological Ideality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 1(98). pp. 6–15.
2. Roversi, C. (2018) Ontology of Law. In: Sellers, M. & Kirste, S. (eds) *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht: Springer. pp. 2612–2619. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_59-1
3. Kähler, L. (2021) Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts. *ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 107(3). pp. 392–416.
4. Alexy, R. (2010) The Dual Nature of Law. *Ratio Juris*. 23(2). pp. 167–182.
5. Kaehler, L. (2014) What Is the Ideal Dimension of Law? *Ratio Juris*. 37(3). pp. 210–229.
6. Kähler, L. (2013) Osblablennaya real'nost' prava [The Weakened Reality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 1(98). pp. 40–59.
7. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German. Moscow: Aspekt. pp. 326–342.
8. Ogleznev, V.V. (2019) Bentham on the Definition of Fictitious Entities and Aristotle's Categories. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 13(1). pp. 339–348. (In Russian).
9. Tarantino, P. (2018) *Philosophy, Obligation and the Law: Bentham's Ontology of Normativity*. London; New York: Routledge.
10. Balaguer, M. (2016) Platonism in Metaphysics. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/> (Accessed: 23rd May 2025).
11. Kaehler, L. (2024) Towards a Minimal Concept of Legal Obligation. In: Beyleveld, D. & Berteau, S. (eds) *Theories of Legal Obligation*. Cham: Springer. pp. 7–26.

Сведения об авторах:

Оглезнев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Бондарев В.Г. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vicbondarev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ogleznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); leading researcher, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Bondarev V.G. – Cand. Sci. (Political Science), docent, head of the Department of the Humanities and Social Sciences, North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vicbondarev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 02.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025